

ЛАРА ВЕЙН

АРАЛУ

ТЕ, КТО ОТВЕТИЛ

18+

Лара Вейн

Аралу. Те, кто ответил

«Автор»

2026

Вейн Л.

Аралу. Те, кто ответил / Л. Вейн — «Автор», 2026

Корабль садится в марсианский кратер — и люди открывают дверь, которую велено было не открывать. За ней спят дети погибшей планеты. А глубоко внизу — те, кто древнее Солнечной системы, и с ними впервые можно заговорить. Три мира учатся не бояться друг друга и вернуть мёртвый Марс к жизни. Финал цикла «Хроники Аралу».

© Вейн Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог. Щель	6
Часть первая. Дом памяти	9
Глава 1. Ожидание	9
Глава 2. Дверь со знаком Одана	14
Глава 3. Счёт	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Лара Вейн

Аралу. Те, кто ответил

Глава

АРАЛУ. ТЕ, КТО ОТВЕТИЛ

Книга третья цикла «Хроники Аралу»

Пролог. Щель

Кратер Ми, Марс. 13 мая 2061 года

Фонари выключила Вера.

Потом, когда об этом писали все газеты трёх миров, — а писали, и снимали фильмы, и спорили, кто это придумал, — говорили по-разному. Что приказала Мэй Линь. Что так велела старая инструкция Нинисины. Что фонари погасли сами, от холода. Вера читала эти статьи и не поправляла. Ей казалось нечестным поправлять: в ту минуту она не думала, что делает что-то, о чём будут писать.

Она просто хотела посмотреть.

* * *

Последний зал Дома памяти был маленьким. Шагов двадцать от стены до стены — если шагами ану; Вере в скафандре понадобилось тридцать два. Низкий свод, вырубленный в красном камне западной стены кратера. Полки вдоль стен — пустые: здесь, как поняла потом Ариада, держали самые старые кристаллы, и их перенесли наверх задолго до конца, чтобы освободить место.

В дальней стене — дверь.

Каменная. Небольшая — для ану. Чуть выше двух метров, чуть шире метра. Плотно пригнанная, без щелей по бокам, без ручки, без петель. Просто плита в проёме, как пробка в горлышке.

На плите — знак.

Вера знала его с детства. Он висел у отца в кабинете на Васильевском — увеличенная фотография с «Аралу-1», та, что сделали в тридцать шестом году у большой двери, в сорока метрах к югу отсюда. Три ветви, сходящиеся в середине круга. В середине — маленький круг с точкой. Глаз.

Знак Одана. «Решено. Здесь — смотрят».

Только этот был вырезан не так. На большой двери знак был выращен — ровный, глубокий, словно его отлили вместе с камнем. Здесь — вырезан ножом. Неглубоко. Неровно. Одна из ветвей уходила чуть в сторону: рука дрогнула. Глаз в середине — не круглый, чуть приплюснутый.

Рукой.

Вера стояла перед этой плитой и думала о женщине, которая её вырезала. Одиннадцать тысяч шестьсот шестьдесят лет назад. Одна. После того как закрыла за дверью тысячу девятьсот детей.

* * *

— Ничего не трогаем, — сказала Мэй Линь по связи. Голос в шлеме был спокойным. Она всегда говорила спокойно, когда было страшно: Вера знала это по долгим месяцам полёта. — Снимаем. Мерим. Уходим. Дверь открываем не сегодня и не втроём.

— Понятно, — сказала Ариада. Её голос дрожал. Она дрожала вся — с той минуты, как они вошли в первый зал с полками и она увидела кристаллы. Сотни тысяч. Ариада выросла на Переправе. Она знала, что такое Дом памяти. Её мать знала. Её род четыреста поколений пересказывал историю, которая кончалась этим домом.

— Температура у двери? — спросила Мэй Линь.

Вера посмотрела на браслет.

— Минус шестьдесят один. На полметра ближе — минус шестьдесят. — Она шагнула вперёд. — У самой двери — минус пятьдесят восемь.

— Теплее у двери?

— Теплее.

Мэй Линь помолчала.

— На два градуса, — сказала она. — Это может быть что угодно. Камень. Тепловой поток из глубины.

— Может быть, — сказала Вера.

* * *

Она присела у двери. Медленно — скафандр был тяжёлым даже при марсианской тяжести. Посмотрела на нижний край плиты. Там, где камень двери встречался с камнем пола.

Щель. Тонкая — тоньше волоса. Её почти не было видно в свете нашлемных фонарей: белый свет заливал всё — плиту, пол, знак, — и щель терялась в нём, как тонкая трещина в льду под солнцем.

Вера смотрела на неё долго.

Потом сказала:

— Мэй Линь. Можно, я выключу фонарь?

— Зачем?

Вера не сразу нашла, что ответить.

— Посмотреть, — сказала она наконец.

* * *

Мэй Линь молчала секунд десять. Вера представляла её лицо за стеклом шлема — у входа в зал, в трёх шагах позади. Шестьдесят восемь лет. Двадцать девять лет назад она стояла в карантинном центре «Вумера» и смотрела, как Ржавь из её капсулы ест металл и людей. Она знала, чем кончается «посмотреть».

— Выключай, — сказала Мэй Линь. — Все выключаем. На минуту.

* * *

Тьма.

Полная. Абсолютная. Такая, какой на Земле не бывает нигде, даже в самой глубокой пещере: там всегда остаётся что-то — отсвет, мерцание, остаточный свет на сетчатке. Здесь не было ничего. Двадцать метров камня над головой. Минус шестьдесят. Тишина, в которой Вера слышала, как стучит её сердце и как шумит в шлеме вентилятор.

Ариада тихо сказала что-то на языке ану. Вера не разобрала.

Глаза привыкали медленно. Пять секунд. Десять. Тридцать.

И тогда она увидела.

* * *

Внизу. У самого пола. Вдоль нижнего края плиты.

Тонкая, как волос, линия.

Голубая.

* * *

Сначала Вера подумала, что ей кажется. Так бывает в полной темноте — глаза сами придумывают свет. Она моргнула. Закрыла глаза. Открыла.

Линия была там.

Тусклая. Ровная. Неподвижная. Не мерцала, не дрожала. Она лежала на камне пола у самого края двери — узкой полоской, сантиметров сорок в длину, — как будто кто-то по ту сторону поставил на пол маленький светильник, и свет просачивался сквозь щель, тонкую, как волос.

Голубой.

— Вы видите? — спросила Вера шёпотом.

Ей ответили не сразу.

— Вижу, — сказала Ариада.

— Вижу, — сказала Мэй Линь.

* * *

Они стояли в темноте минуту. Потом две. Потом Мэй Линь сказала: включаем, — и белый свет фонарей залил зал, и голубая линия исчезла, растворилась в нём, как будто её не было.

Вера поднялась. Посмотрела на знак Одана. На ветвь, которая уходила в сторону. На приплюснутый глаз.

«Вы ушли в долгий сон. Я зажгу для вас огонь».

Она поднесла руку к двери. Ладонью вперёд. Не коснулась — остановила в сантиметре от камня.

Пустую.

— Мы вернёмся, — сказала она. По-русски. Потом подумала — и повторила на ану, как учила Ариада, медленно, плохо, с ошибкой в окончании: — Мы — придём.

* * *

Через четырнадцать минут отец на Светлояре прочитал её письмо. Через двадцать восемь — она получила ответ. Одну строку. Без подписи.

«Огонь Ти горит двести девяносто тысяч лет. Не торопись».

Вера прочитала её у шлюза посадочного модуля, сняв шлем, в тёплом белом свете. Прочитала дважды.

Потом пошла к иллюминатору. Небо над кратером Ми было тёмно-розовым — вечер. Солнце, маленькое и белое, садилось за западную стену, за ту самую, в которой лежал Дом памяти. На востоке, над кромкой кратера, уже проступили первые звёзды.

Земли не было видно. Она была за Солнцем — в те месяцы Марс и Земля стояли по разные стороны от него, и голубая звезда не поднималась ни утром, ни вечером.

Вера всё равно подняла руку.

И помахала — туда, где она должна была быть.

Часть первая. Дом памяти

Глава 1. Ожидание

Кратер Ми. Май — июнь 2061 года

Ждать оказалось труднее всего.

Вера думала, что знает, как это. Она была дочерью двух людей, которые всю жизнь ждали. Мать — двадцать лет у телескопов, пока тусклая точка в Стрельце не стала тёмным диском над соснами Светлояра. Отец — двадцать лет над архивом, пока шумерский шум не стал голосом. Вера выросла среди ожидания, как другие дети вырастают среди лошадей или моря. Она умела ждать.

Оказалось — нет.

* * *

Посадочный модуль «Туманова» стоял на дне кратера в двух километрах от западной стены. Длинный, низкий, приземистый — люди строили его по чертежам ану, но со своими поправками, и ану, глядя на чертежи, качали головами: слишком тесно, слишком светло, слишком много окон. Люди отвечали: нам так спокойнее.

Внутри — сорок восемь человек и шестеро ану. Ещё шестеро оставались на орбите, в самом «Туманове», — большом корабле, похожем на тёмную каплю, который Переправа дала Земле по Пекинскому договору и который люди называли в честь старого пулковского астронома.

Вера жила в каюте на двоих с Дашей Соколовой, геологом. Каюта была размером с купе поезда. У Даши на стене висела фотография её собаки, оставшейся на Земле. У Веры — одна, маленькая, в пластиковой рамке, на краю полки: девочка пяти лет в жёлтой куртке на берегу Светлояра. Гаша. Её дочь. Она осталась на Земле — с бабушкой и дедом, с отцом, который жил в соседней деревне и приезжал по выходным.

Вера вышла замуж в двадцать — за Дениса, однокурсника, весёлого и лёгкого. В двадцать один родила Гашу. В двадцать четыре — развелась. Без ссор: просто оказалось, что Денису нужна жена, которая будет дома, а Вере — дом, из которого можно улететь. Денис остался хорошим отцом. Вера — улетела.

Про это она старалась не думать. Каждый вечер записывала Гаше видео — пять минут, про Марс, про пыль, про розовое небо. Каждое утро смотрела ответ: Гаша рассказывала про садик, про кота, про то, что дед опять поёт непонятную песню. Вера смотрела и не плакала. Потом шла в лабораторию.

Теперь каждое утро, просыпаясь, она смотрела на фотографию в жёлтой куртке и думала о голубой линии под дверью.

* * *

— Две недели, — сказала Мэй Линь на утреннем совещании. — Каали вылетела с Земли позавчера. Нинурэ — вчера, с посольского корабля. Их корабли быстрее нашего, но Марс сейчас за Солнцем, придётся обходить. Две недели, если всё будет хорошо.

— А если плохо? — спросил кто-то из инженеров.

— Тогда три, — сказала Мэй Линь.

Она стояла у экрана в кают-компании — маленькая, сухая, с короткими седыми волосами. На экране — схема Дома памяти: залы один под другим, как этажи, уходящие вглубь западной стены. Сорок семь залов. Нижний — красная точка.

— Дверь не трогаем, — сказала Мэй Линь. — Никто. Ни под каким предлогом. Я поставила у входа в Дом памяти датчик и камеру. Кто спустится без меня — улетает на Землю первым кораблём.

Вера сидела в последнем ряду. Мэй Линь посмотрела на неё. Только на неё. Секунду.

Вера не отвела глаз.

* * *

Работы хватало.

Даша и ещё четверо геологов мерили западную стену кратера — вдоль, поперёк, вглубь. Георадаром. Сейсмодатчиками. Тонкими зондами, которые уходили в камень на десятки метров. Они искали — всё. Ход Спящих. Залитый колодец Асаллухи. Пустоты. Трещины. Воду.

Инженеры строили. Второй жилой блок — для тех, кто прилетит. Шлюз очистки — тройной, с ультрафиолетом и химией, по стандартам «Вумеры». Склад. Мастерскую.

Ариада и двое лингвистов сидели в верхних залах Дома памяти. Не трогали кристаллы — фотографировали полки. Подписи. Знаки на торцах. Составляли опись. Ариада говорила, что это — как читать оглавление библиотеки, в которую тебя не пускают.

Вера — биолог. Её дело было — Ржавь.

* * *

Она брала пробы пыли. Каждый день. Вокруг модуля, у западной стены, у входа в Дом памяти, внутри — в каждом зале. Тонким пробоотборником, в герметичные капсулы, — и в лабораторный блок модуля, за двойной стеной, где стоял анализатор.

Ржавь была везде.

Спящая. Мёртвая на вид. Тонкие споры, такие мелкие, что в пыли Марса их не отличить от зёрен самой пыли. Анализатор находил их по генам: короткие кусочки ДНК, четыре буквы, как у всего живого на Земле, — и в них сорок одна вставка. По двадцать девять нуклеотидов. «Тандемы Вумеры».

Вера сидела над ними ночами.

Сорок одна вставка. Двадцать девять букв каждая. Она знала их наизусть — с семнадцати лет, с той ночи, когда отец впервые показал ей распечатку из лаборатории Мэй Линь и сказал: похоже на письмо.

Тогда она засмеялась. Как Мэй Линь.

Теперь не смеялась.

* * *

В Доме памяти Ржави не было.

Это Вера проверила первым делом. Сорок семь залов. Пыль на полу — та же, что снаружи, рыжая, тонкая, — но в ней не было ни одной споры. Ни одной. Анализатор молчал.

Даша сказала: может быть, там слишком холодно.

Вера сказала: снаружи тоже холодно.

Даша сказала: может быть, туда просто не надуло.

Вера сказала: может быть.

Она так не думала. Она думала о том, что сказала в последней передаче Эрешкигаль: в западные кварталы Ми-Аралу рыжая вода не шла. «Здесь — смотрят».

Она не говорила этого Даше. Даша была геологом. Даша верила в ветер.

* * *

Вечером седьмого дня к ней пришёл Алим.

Он постучал в дверь каюты — Даша была на дежурстве — и спросил, можно ли. Вера сказала: заходи. Он зашёл. Сел на Дашину койку, потому что больше садиться было некуда.

Алим Байрамуков был пилотом. Он вёл посадочный модуль с орбиты — и вёл так, что Мэй Линь, которая никогда никого не хвалила, после посадки сказала ему: «Хорошо». Он был на два года старше Веры. Высокий, тёмный, с отцовскими присказками, которые он сам не

замечал. Его отец, Тимур, работал инженером на большом телескопе в Буково, когда мать Веры нашла «Тень». Их семьи дружили всю жизнь.

Вера знала Алима с того дня, как себя помнила. Он учил её кататься на велосипеде. Она учила его отличать ракушку от окаменелости. Однажды, когда ей было двенадцать, а ему четырнадцать, он сказал, что женится на ней, когда вырастет. Она стукнула его учебником.

Больше он об этом не говорил. Даже когда она выходила за Дениса — пришёл на свадьбу, подарил книгу про марсианские кратеры и уехал первым. Даже когда она развелась. Он просто был рядом. Всегда. На соседнем сиденье в учебном центре, на соседней койке в карантине перед полётом, в соседнем кресле при посадке.

* * *

— Не спишь, — сказал Алим.

— Не сплю.

— Опять тандемы?

Вера посмотрела на экран планшета. Там была сорок одна строка. Двадцать девять букв в каждой.

— Опять, — сказала она.

Алим помолчал. Потом сказал — как говорил его отец, сам того не замечая:

— Кто ночью считает звёзды, тот днём падает в колодец.

Вера засмеялась. Первый раз за неделю.

— Это откуда?

— Отец говорит. Не знаю, откуда. Может, сам придумал. — Алим смотрел на неё. — Вера. Ты была там. У двери. Что там?

— Не знаю.

— Ты выключила фонарь. Ты видела.

— Свет, — сказала Вера. — Голубой. Тонкий. Как волос.

— Огонь?

— Не знаю. Может быть, огонь. Может быть, что-то ещё. Ану умеют делать свет, который горит тысячи лет. Огонь Ти — двести девяносто тысяч.

— Значит, огонь горит, — сказал Алим. — А дети?

Вера не ответила.

* * *

Об этом говорили все. Каждый вечер в кают-компании. Каждое утро на совещании. В каждом письме с Земли.

Тысяча девятьсот детей. «Зимний сон». Нинисина написала: «Воздуха хватит на десять тысяч лет. Может быть — больше. Если холодно и сухо». Прошло одиннадцать тысяч шестьсот шестьдесят.

Холодно — да. Сухо — да. Минус шестьдесят. Ни одной споры Ржави.

Но — одиннадцать тысяч шестьсот шестьдесят. На тысячу шестьсот шестьдесят больше, чем считала Нинисина. И Нинисина писала: «Никто не спал зимним сном дольше трёх лет. Я не знаю, проснутся ли они».

Медики экипажа — Катя Ерёмкина и двое других — сидели над записками Нинисины, которые отец перевёл и прислал, над всем, что ану знали о зимнем сне Холодной долины. Катя сказала на совещании: если хоть один жив, это будет самое удивительное, что когда-либо видела медицина. Двух видов.

Даша сказала: если хоть один жив.

Катя сказала: да.

* * *

С Земли писали каждый день.

Отец — длинные письма. Про кристаллы Дома памяти, про то, что он хочет прочитать в первую очередь. Про то, как надо говорить с детьми, если они проснутся: медленно, тихо, на старом языке, который он знает лучше всех на Земле, — «я пришлю тебе список слов». Список пришёл. Двести слов. Первое — «не бойся». Второе — «ты в безопасности». Третье — «прошло много времени».

Мать — короткие. «Как ты?» «Ешь?» «Спишь?» «Мэй Линь передай: я ей завидую». И однажды — одной строкой: «Вера, если там дети, ты будешь первой, кого они увидят. Подумай, какое у тебя будет лицо».

Вера думала об этом весь вечер.

* * *

Писали и другие.

Совет ООН по Аралу — так теперь называлась комиссия, созданная по Пекинскому договору. Председатель — Харальд Эклунд, швед, бывший министр иностранных дел, высокий, медлительный, осторожный. Он прислал Мэй Линь официальное письмо: Совет просит не открывать дверь без согласования с ним. Совет созывает экстренное заседание. Совет должен решить.

Мэй Линь ответила одной строкой: «Решать будут те, кто здесь, когда прилетят Каали и Нинурэ».

Эклунд прислал второе письмо. Длиннее. Про международное право. Про Женевский договор о веке контакта. Про статью сорок седьмую. Про то, что «найденные на Марсе живые существа любой природы находятся под совместной юрисдикцией...».

Мэй Линь не ответила.

* * *

Были и другие письма. Их получал весь экипаж — новости, которые шли с Земли по общему каналу.

На Земле спорили.

Одни говорили: открыть, конечно. Если там живые — спасти. Если мёртвые — похоронить. Это — человеческий долг. И ану тоже.

Другие говорили: не открывать. Ни в коем случае. Там может быть Ржавь. Там может быть что угодно. Мы уже открыли однажды — капсулу в «Вумере». Помните, что было.

Третьи говорили: какое нам дело? Это — дети ану. Пусть ану и решают.

Четвёртые говорили: они не дети ану. Они — дети Аралу. Это другое. Это — отдельный народ. Последние из своего народа. Кто будет решать за последних?

Был ещё человек, которого показывали в новостях чаще других. Американец. Рэймонд Сайкс. Глава консорциума «Арес Дипсайт» — компании, которая по Пекинскому договору получила лицензию на разведку недр Марса. Сайкс говорил гладко, улыбался широко и повторял одно: «Сначала безопасность. Под Марсом живёт то, что убило целую цивилизацию. Мы должны знать, с чем имеем дело. Мы должны быть готовы».

Вера смотрела его интервью и чувствовала, как по спине идёт холод. Не потому, что он говорил что-то страшное. Он говорил правильные вещи.

Он просто ни разу не сказал «интересно».

* * *

На двенадцатый день Даша прибежала в лабораторию.

— Вера. Георадар. Пойдём.

Вера пошла.

На экране в геологическом блоке — разрез западной стены кратера. Сорок семь залов Дома памяти — светлыми прямоугольниками, один под другим. Нижний — в двадцати метрах под уровнем дна кратера. За ним — тёмный камень.

И ещё ниже — в шестидесяти метрах под нижним залом — линия.

Тонкая. Изогнутая. Уходящая на запад, вглубь стены. И вниз.

— Это — не трещина, — сказала Даша. — Слишком ровная. Это — ход. Труба. Диаметр — восемь метров. Она идёт от большой двери — от двери Спящих — сюда, под Дом памяти, и дальше. Вниз.

Вера смотрела на экран.

Ход Спящих. Сорок пять тысяч шагов. От двери у западной стены — к развилке. К пробке Асаллухи. К огромному знаку-вопросу над входом в их мир.

Под Домом памяти. Прямо под нижним залом. Под дверью со знаком Одана, из-под которой — голубой свет.

«Рядом с дверью Спящих. Над ней».

— Эрешкигаль знала, — сказала Вера.

— Что знала?

— Что Дом памяти стоит над их ходом. Она сказала в последней передаче. «Знак Одана на двух дверях. На их — и на нашей».

Даша долго смотрела на неё.

— Вера, — сказала она. — Ты понимаешь, что это значит? Если что-то пойдёт не так с той дверью — с большой, — то, что выйдет, выйдет прямо под детьми.

— Да.

— Одиннадцать тысяч шестьсот лет ничего не выходило.

— Да, — сказала Вера. — Потому что здесь — смотрят.

Даша ничего не сказала. Даша верила в ветер.

* * *

На шестнадцатый день над кратером Ми зажглись два огня.

Не звёзды. Корабли. Тормозили — высоко, над розовым вечерним небом, — оставляя за собой короткие голубые следы, как росчерки пера.

Весь экипаж стоял у иллюминаторов кают-компаний.

Вера стояла рядом с Алимом. Он взял её за руку. Она не отняла.

Первым сел корабль Каали. Маленький, тёмный, угловатый — корабль дома Очищающих, тот самый, что двадцать восемь лет назад сажился в австралийской пустыне у «Вумеры». Вторым — корабль посольства. Большой, гладкий, похожий на каплю ртути.

Из второго вышли трое. Двое — молодые ану в облачениях. Третью вели под руки.

Нинурэ. Тысяча триста лет. Старейшина посольства. Она двадцать восемь лет почти не покидала свой корабль на орбите Земли — спала долгим сном ану, просыпалась на дни, на недели, когда была нужна, и снова засыпала.

Она шла медленно. Тяжело. Даже при марсианской тяжести, которая для ану — почти как дома.

У шлюза модуля она остановилась. Подняла голову. Посмотрела на западную стену кратера — тёмную, высокую, на фоне розового неба.

Потом — на людей за стеклом иллюминатора.

И подняла руку. Ладонью вперёд. Пустую.

Вера подняла свою.

Глава 2. Дверь со знаком Одана

Кратер Ми. 31 мая 2061 года

Совещание было коротким. Вера потом думала, что это — единственное совещание за всю её жизнь, на котором никто ни разу никого не перебил.

Их было семеро. Мэй Линь. Каали. Нинурэ. Катя Ерёмина — врач. Ариада — переводчик. Даша — потому что знала стену. И Вера — потому что Мэй Линь сказала: «Ты выключила фонарь. Ты и решай вместе с нами».

Сидели в кают-компании модуля. Нинурэ — в низком широком кресле, которое для неё сделали ещё на Земле: стулья людей ей были малы, а кресла ану здесь не было. Каали — на полу, у стены, скрестив длинные ноги, как сидят в доме Очищающих. Высокая, тёмная — темнее всех ану, которых Вера видела, — с огромными тёмными глазами и с узкой белой полосой на лбу, знаком её дома.

Без масок. В модуле был свой свет — тусклый, тёплый, как ану любят. Люди ворчали, что ничего не видно. Ану говорили, что наконец-то видят.

* * *

— Я скажу, как сказали бы на Переправе, — начала Нинурэ. Голос у неё был тихий, сухой, медленный. Каждое слово она произносила так, будто вынимала его из глубокого колодца. — Совет Дильмуна сказал бы: подождите. Пусть пройдёт шар. Пусть Слушающие изучат стену. Пусть дом Растящих изучит записи о зимнем сне. Пусть станет ясно, что за дверью.

Она помолчала.

— Это — правильно. По-нашему. Мы так прожили много миллионов лет.

— А по-вашему лично? — спросила Мэй Линь.

Нинурэ долго смотрела на неё.

— По-моему лично, — сказала она, — мы так прожили много миллионов лет. И ни разу никуда не улетели. И Аралу умерла, пока мы ждали, пока страх пройдёт. — Она повернулась к Каали. — Скажи ты.

* * *

Каали сказала коротко.

— Я — Очищающая. Мой дом основала та, которая слушала последнюю передачу Аралу. Она сидела у приёмника девяносто четыре года. Она — ждала. — Каали помолчала. — У входа в наш дом висит её приёмник. Каждая из нас, принимая дом, кладёт на него ладонь. И каждая думает: она ждала — и ничего не могла сделать.

Она посмотрела на Веру.

— Мы — можем. Сейчас. Я везу с собой всё, что дом Очищающих знает о Ржави. Знающих воду — тех, что остановили её в Австралии. Если за дверью — Ржавь, мы готовы.

— А если за дверью дети? — спросила Катя.

— Тогда, — сказала Каали, — пусть первыми их увидят не ану. Пусть — вы.

— Почему?

Каали чуть улыбнулась.

— Потому что вы — не боитесь посмотреть, — сказала она. — Эрешкигаль сказала: «Нашу — откройте». Она сказала это — вам. Детям глины. Не нам.

* * *

Мэй Линь молчала. Долго. Все ждали.

Потом она сказала:

— Открываем завтра. Утром. Пятеро — внутрь. Я. Катя. Вера. Ариада. Каали. Нинурэ — у входа в нижний зал. Остальные — в верхних залах и у модуля. Шлюз очистки — готов. Медицинский блок — готов. Каали, твои — готовы?

— Готовы.

— Дверь открываем медленно. Сначала — щель. Пробы воздуха. Пробы пыли. Если Ржавь — закрываем. Сразу. Без обсуждений.

— Да.

— Если нет — открываем.

Она посмотрела на Веру.

— Свет — какой?

Вера не сразу поняла.

— Когда войдём, — сказала Мэй Линь. — Если там кто-то спит — уже одиннадцать тысяч лет в темноте. Ты биолог. Какой свет?

Вера подумала.

— Голубой, — сказала она. — Тусклый. Как их огонь.

Мэй Линь кивнула.

— Значит, голубой.

* * *

Вера не спала ночь.

Она лежала на койке и смотрела в пустую стену. Даша спала. За тонкой перегородкой гудел вентилятор. За обшивкой модуля — минус семьдесят, ветер, тонкий, как дыхание, гнал по дну кратера рыжую пыль.

Она думала о матери. «Подумай, какое у тебя будет лицо».

Она думала: а если они все мёртвые? Тысяча девятьсот. Под тёмными одеялами. Под инеем. Самый младший — сорок дней. На руках у старшей девочки.

Она думала: я войду — и увижу.

Она думала: я хочу посмотреть. Всё равно. Даже так.

Под утро она поняла, что думает это с того самого дня, как отец показал ей распечатку тандемов. Ей было семнадцать. Она засмеялась — а ночью пришла к нему в кабинет и спросила: а что, если правда письмо?

Он сказал: тогда кто-то должен будет его прочесть.

* * *

Утром они спустились.

Сорок семь залов Дома памяти. По старой лестнице — узкой, крутой, вырубленной в камне для ног ану: ступени были слишком высокими для людей, и Вера в скафандре на каждой третьей хваталась за стену. Полки. Полки. Полки. Кристаллы на них поблёскивали в свете фонарей — голубоватые, прозрачные, слоистые, как вода в глубоком озере.

Нинурэ спускалась медленнее всех. Её поддерживали двое молодых ану. На тридцатом зале она попросила остановиться. Стояла, положив ладонь на одну из полок. На торце полки — знак. Ариада прочла вслух: «Книга Ишары. Списки с четырнадцатого по сорок второй».

Нинурэ стояла и молчала.

Потом сказала — Вера поняла не сразу, на ану, медленно:

— Я знаю их все наизусть. Все восемьсот. С детства. Нас учили по ним говорить. На Переправе. Через полмиллиона лет после неё.

И пошла дальше.

* * *

Нижний зал.

Дверь. Знак Одана — ножом, неровно. Щель.

Фонари — уже голубые: инженеры за ночь поставили фильтры. Свет стал тусклым, прозрачным, и в нём камень казался не красным, а тёмно-фиолетовым, почти чёрным.

Нинурэ осталась у входа. Села на нижнюю ступень. Двое молодых ану — рядом.

Каали подошла к двери. Опустилась на колени. Положила ладонь — без перчатки, голую, тёмную, длинную — на камень рядом со знаком.

Долго держала.

— Холодно, — сказала она. — И — тепло. Внутри. Чуть-чуть.

* * *

Дверь открывали инструментом, который привезла Каали. Тонкие плоские клинья из серого металла ану, которые входили в щель, как нож в масло, и медленно, медленно раздвигались.

Каменная плита весила, по расчётам Даши, полторы тонны. При марсианской тяжести — чуть больше пятисот килограммов. Клинья её двигали.

На миллиметр.

На два.

Пробоотборник Веры вошёл в щель на пятом миллиметре.

* * *

Анализатор думал сорок секунд. Вера смотрела на экран на рукаве скафандра.

Ржави — нет.

Ни одной споры. Ни одного «тандема Вумеры».

Воздух — есть. Немного. Почти чистый азот и углекислый газ, как снаружи, — но с примесью кислорода. Две десятых процента. Снаружи кислорода почти не было.

И — что-то ещё. Анализатор показывал сложную органику. Вера не знала таких соединений. Анализатор — тоже.

— Это — дыхание сна, — сказала Каали, глядя через её плечо на экран. — Так пахнет в Холодной долине, когда засыпают. Я знаю этот запах. Я ни разу его не чувствовала. Но я знаю — из книг.

* * *

Клинья раздвигали плиту ещё сорок минут.

Пять сантиметров. Десять. Двадцать.

Из щели шёл свет. Голубой. Он был теперь не тонкой линией на полу — полосой. Высокой, во всю высоту двери. И в этой полосе — когда Мэй Линь велела погасить фонари, — в этой полосе было видно.

Пол. Тёмный. Покрытый чем-то белым — иней, тонкий, как пушок. И что-то на полу. Ряды. Длинные, низкие, тёмные бугры, уходящие в глубину. Укрытые.

Вера смотрела в щель. Не дышала.

* * *

Сорок сантиметров. Плита отошла достаточно, чтобы протиснуться — человеку в скафандре, боком.

Мэй Линь сказала: Катя, Вера. Потом — я.

Катя пошла первой. Врач. Так договорились.

Вера — за ней.

* * *

Это был не зал. Это была полость в скале — естественная, расширенная когда-то руками, — длинная, уходящая в глубину на сорок, на пятьдесят метров. Низкий неровный свод. Стены — тёмные, гладкие, в инее. Холод — Вера видела цифры на рукаве: минус шестьдесят три — здесь было холоднее, чем у двери.

Справа от входа, на плоском камне, стоял светильник.

Маленький. С ладонь. Круглый, из какого-то тёмного стекла. Внутри — огонь. Голубой. Неподвижный. Тихий. Он не мерцал, не колебался, не дрожал от того, что они вошли. Он просто горел — так, как, наверное, горел, когда его поставили.

Вера остановилась перед ним.

Она знала его. Она читала о нём — в шестидесятой главе отцовской книги, которую дочитала уже на орбите Марса, в каюте, ночью. «Потом поставила у входа в полость — огонь. Голубой. Маленький. На камне».

Эрешкигаль.

Одиннадцать тысяч шестьсот шестьдесят лет.

* * *

— Вера, — сказала Катя.

Тихо. Вера обернулась.

Ряды.

Они уходили в глубину полости — длинные, ровные, тесные. Тёмные бугры под тёмными одеялами. Под инеем. Сотни. Тысячи. Одеяла — из какой-то плотной ткани ану, — лежали плотно, ровно, укрывая каждого с головой. Только у некоторых — у края одеяла — видно было что-то светлое. Прядь волос. Кончики длинных пальцев. Край бледного лица.

Иней лежал на всём. Белый. Тонкий. Нетронутый.

Тишина.

* * *

Катя опустилась на колени у первого ряда. У самого края. Медленно отогнула край одеяла.

Под ним — лицо.

Мальчик. Ану. Совсем маленький — для ану: лет сорок, если по-ихнему. Бледный, почти белый, как лёд. Глаза закрыты. Огромные, даже закрытые. Длинные тонкие пальцы сложены на груди.

Иней — на ресницах.

Катя поднесла к его груди датчик. Плоский, круглый — медицинский датчик ану, который дала ей Каали. Тот, что слышит сердце, бьющееся раз в час.

Держала.

Минуту.

Пять.

Десять.

* * *

Вера стояла рядом. Не дышала. Слышала только, как стучит собственное сердце. Слишком часто. В сто раз чаще, чем нужно.

На пятнадцатой минуте Катя опустила датчик. Посмотрела на экран.

Покачала головой.

Медленно накрыла лицо мальчика одеялом. Так, как было.

* * *

Они шли вдоль рядов.

Катя — с датчиком. Вера — за ней. Сзади — Мэй Линь, Ариада, Каали. Никто не говорил.

Второй — нет. Третий — нет. Четвёртый.

На шестом Катя держала датчик сорок минут. Вера стояла и смотрела на лицо — девочка, лет девяноста, с тёмной прядью у виска, — и думала: подумай, какое у тебя будет лицо.

Нет.

* * *

Они дошли до конца полости через два часа.

Там, у дальней стены, в последнем ряду, лежала одна — отдельно от других. Не под одеялом с головой. Одеяло было опущено до плеч, как будто она укрылась сама, последней, и не успела — или не захотела — укрыться до конца.

Девушка. Старше остальных. Лицо — бледное, тонкое, с высокими скулами. Тёмные волосы, длинные, рассыпаны по камню и белые от инея. Глаза закрыты.

На руках — свёрток.

Маленький. Под тем же одеялом. Она держала его у груди обеими руками. Длинные бледные пальцы — сомкнуты на свёртке. Крепко. Как держат во сне то, что боятся уронить.

* * *

Вера опустила на колени.

Ариада за её спиной тихо сказала:

— Нинти.

Вера не обернулась. Она смотрела на пальцы. На иней на них.

Катя протянула ей датчик.

— Ты, — сказала Катя.

Вера взяла его. Руки в перчатках скафандра не дрожали — она удивилась этому потом. Поднесла к груди девушки. Над свёртком. Туда, где у ану сердце.

И ждала.

* * *

Десять минут. Двадцать. Сорок.

Мэй Линь за спиной. Ариада. Каали. Катя. Никто не шевелился.

Пятьдесят.

Вера смотрела на лицо Нинти. На ресницы в инее. На тонкие губы. И думала — не о том, жива ли она. О другом. О том, что эта девушка уснула последней. Что она держала на руках младенца и смотрела, как засыпают все остальные. Тысяча восемьсот девяносто восемь. Что она видела, как хранительница положила ладонь на каждого. Что она слышала, как хранительница закрывает дверь.

Пятьдесят пять.

Пятьдесят восемь.

* * *

На шестьдесят первой минуте датчик в её руке дрогнул.

Одна линия на экране. Короткая. Острая. Как всплеск.

Один удар.

* * *

Вера не закричала. Потом удивлялась и этому.

Она стояла на коленях на холодном камне, с датчиком у груди девушки, которая спала одиннадцать тысяч шестьсот шестьдесят лет, — и смотрела на экран, где одна короткая линия медленно гасла, уходила вниз, становилась ровной.

Потом сказала — по-русски, тихо, сама не зная кому:

— Есть.

* * *

За спиной у неё Каали опустилась на колени. Рядом. Протянула свою длинную тёмную руку — без перчатки — и положила её на свёрток. Не на девушку. На свёрток.

Держала.

Долго.

Потом сказала — на ану, и Ариада перевела, и голос у Ариады сорвался на середине:

— И здесь. Тоже. Слабее. Но — есть.

Глава 3. Счёт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.